

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

## ЭПОС МУШНИ ЛАСУРИА

“Поэма об отце” Мушни Ласуриа – по моему мнению, одно из значительнейших явлений современной мировой литературы.

Это утверждение может вызвать череду недоумений. Да знает ли автор рецензии современную мировую литературу в той степени, чтобы утверждать нечто подобное? Да можно ли говорить такое о произведении, едва-едва известном в русском переводе на фоне общего нечтения нынешнего серьёзной литературы, особенно поэзии?

И всё же я убеждён в сказанном. В том состоянии, в котором находится современная словесность при забвении самого понятия национальный эпос, поэма Ласуриа является, словно комета, прожигаящая небесную тьму.

Почти полвека назад Вадим Кожин писал в журнале “Дружба народов”:

“В лирике М. Ласуриа живёт тысячелетняя история Абхазии – живёт не в навязчивых реминисценциях и перечислениях, а как внутренняя сила, как глубинное течение, которое вырывается наружу, лишь когда это необходимо. И тогда в стихах возникают образы нартов и обломки Великой абхазской стены, нашествие Чингисхана и трагедия махаджиров. Столь же органически входят в стихи М. Ласуриа широчайшие, всемирные темы – образы Прометея и Дон Кихота, притча о блудном сыне и гомеровский эпос”.

История Абхазии в поэме сконцентрирована в образе отца, который связывает множество поколений – и не только в своём жизненном деянии, но и в слове.

*У очагов ночами небылицы  
Рассказывают старики у нас...  
Но дух твой, что с годами не угас,  
В живой стремится речи воплотиться.*

*И были здесь великие предтечи,  
Шагу и Сейдык, чудотворцы речи,  
Звучавшей, словно колокола глас.*

*У нас в роду учителя, певцы,  
Священники — люд припадал к их рясам...  
Герои войн, поэты, кузнецы,  
Наездники, что спорили с Аббасом,  
Как птица, пролетев во все концы.*

Судьба отца поэта сопряжена с тысячелетней судьбой Абхазии, всего народа, с его мужественной и трагической историей. Миф органически переплетён в поэме Ласуриа с реальностью и сам становится историческим бытием.

В памяти поэта сохранено предание, переданное отцом, об урагане, унесшем сестру, — и этот ураган стал знаком и пророчеством дальнейшей драматической судьбы всего рода... Посреди всех стихийных и исторических бурь встаёт величественная фигура отца, усмирившего жажду кровной мести соседей, пережившего смерть жены и омывшего её тело в годину лихой эпидемии, шедшего с одной камчой на дуло наставленного на него ружья... Лихие години — одна за другой — проходят перед глазами поэта: сопротивление коллективизации; 1937-й, кровавым плугом прошедшийся по семье; Великая Отечественная, с которой не вернулись отцовские братья; смертельная стычка с мегрелами в 1949-м; и, наконец, грузино-абхазская война...

Образ и пример отца — и в истории, и в современности, — путеводная звезда для поэта.

*И, вместе с урожаем созревая,  
В душе рождалась песня урожая...  
Ты был тогда поэтом,  
Мой отец!..*

*Отец, томясь, ты вопрошал всё снова:  
“Когда же прекратится этот гнёт?!  
Не всё ж молчать!”  
Ты верил в силу Слова,  
Знал, что оно неправедных сметёт.*

*Как ты мечтал, привыкнув к злополучьям,  
О Слове вольном, смелом и могучем!..*

*Подчас твоё звучало слово жёстко,  
Был строг, нелицемерен твой глагол...*

*Тебя спасала сила красноречья,  
Суровый нрав, и — в самой гуще бед —  
К живущим состраданье человечье,  
Твоей отваги лучезарный след...*

*Была твоей святыней речь родная.  
Ты прожил, языков других не зная,  
Но как ты знал Отечества язык!*

*В нём прошлое сливалось с настоящим,  
Он Божьим даром был, в душе горящим,  
Он был всегда в устах твоих велик.*

*И прошлое — опора и основа,  
И нынешнее — как венцы стропил.  
Ты силой своего живого слова  
Сумел соединить их и скрепил.*

Мушни Ласуриа скрепляет в своём эпосе прошлое и нынешнее, следуя примеру своего отца, для которого слово и деяние нераздельны и единосущны.

Перед глазами читателя предстаёт в своём трагическом величии Абхазия — в её истории и географии. Родина поэта Кутол — колыбель великих абхазских сказителей и песнетворцев, полноводный Дгамш, Мушката, Дурипш, места народных сходов Мыкуашта и Лышхната, реки Лапша и Кумарча, Чачал — все эти имена обретают под пером поэта полнокровное бытие, становятся близкими и родными тому, кто войдёт в эпос Ласуриа с ясным умом и чистым сердцем.

Поэт не стыдится слёз, пролитых над судьбой отца, единосушной с судьбой отчизны (“От боли за тебя моя строка и от народной горести тяжка. . .”) И эти слёзы становятся благотворной живой водой, окропляющей события давних лет, имена великих сказителей, от слова которых ведёт свою творческую родословную Мушни Ласуриа.

*В тебе, Кастей, клокочет дух Гомера,  
Седая мудрость так тебе к лицу!  
Без этих песен мирозданье серо...  
Как не воспеть твою апхиарцу!*

*Ты, Маадан, начни свой стих глубинный,  
Знай: ждут тебя на берегах Кубины!  
Тебя связали с нартами флюиды,  
И ведал ты их распри и обиды.*

*Старинными тревогами объят,  
Я и тебя слушаюсь, Синат!  
Из уст твоих, раздавшись, будет живо  
Сказанье о печалях махаджира.*

И горькая печаль охватывает самого поэта при упоминании об утрачиваемой памяти. Здесь, в этих строках, явно слышится лермонтовский отзвук строчек, сложенных при виде развалин старых храмов в горах Кавказа.

*Воздвиглись храмы... Но их стены немы,  
И где о древних мастерах поэмы?  
Былого созиданья стёрся след  
И отголосков тех событий нет.  
.....  
А время беспощадное течёт!  
Апостол скрыт во тьме и звездочёт,  
И спрятаны от внуков мглой сырою  
Народные поэты и герои.*

И поэма Мушни Ласуриа воскрешает имена и деяния народных поэтов и героев, вырывает их из “мглы сырой”.

Чем ещё поразителен образ отца? Удивительным сплавом христианской набожности и бережного, любовного отношения к вере предков-язычников. “Молился. Без молитвенного слова не обходилась речь твоя. . .” Он, православный христианин, голыми руками пытавшийся остановить грабёж церковей в 1922 году, приносил жертву богам языческого пантеона, чтя древний народный обычай. И в этом непринуждённом органическом сплаве являлась опять же вся духовная история страны, воплощённая в его образе.

. . . К эпическим поэмам тончайший и проникновенный лирик Мушни Ласуриа должен был прийти и пришёл, чему во многом способствовала его работа над переводом “Евгения Онегина”, “Витязя в тигровой шкуре” Руставели. Неоченимы его переводы на абхазский язык Нового завета и Псалмов.

Перевод на русский язык “Поэмы об отце”, осуществлённый Михаилом Синельниковым, сохранил многие абхазские выражения и словосочетания, не подлежащие переводу, но органически вошедшие в русский текст. Возникает ощущение, что переводчик трудно и благотворно, пласт за пластом одолевал целые смысловые глыбы лежащего перед ним текста. И сейчас мы имеем перед собой русское переложение замечательного современного эпоса. Эпоса, посвящённого тысячелетней и современной Абхазии.

*Вновь торжествует юность, как когда-то...  
Всё покорила красота весны.  
И этой красотой сейчас объята  
Отчизна нартов, древняя Апсны....*

## МУШНИ ЛАСУРИА



## ПОЭМА ОБ ОТЦЕ

(отрывки)

*Два чувства дивно близки нам —  
В них обретает сердце пищу:  
Любовь к родному пепелищу,  
Любовь к отеческим гробам.*

*Животворящая святыня!  
Земля была б без них мертва...*

А. С. Пушкин

Не думал новой начинать поэмы.  
Нет, пусть другие о мечтах своих,  
Возвышенные выбирая темы,  
Поведают и в душу вложат стих.

Ну, а меня чарует предков древо,  
И пусть кому-то кажется оно  
Не заслужившим слова и напева,  
Но, как святыня, мне в удел дано.

Что ж, на Востоке принято от века  
Знать от корней до веток, до вершин  
Всё древо — родословье человека,  
И вопрошать, знакомясь: “Чей ты сын?”

Нет, в звёздные не устремлялся дали  
И не рубился в битвах мой герой.

---

*ЛАСУРИА Мушни Таевич родился в 1938 году, известный абхазский поэт, учившийся в России. Автор нескольких сборников, переведённых на русский язык в 1960–1980 годы.*

Художники его не рисовали,  
И ордена, и звонкие медали  
Одежды не украсили простой.

Он не был в сонме чтимых.  
В эту лигу  
Допущен не был — жизнь была строга,  
Но крепко он в руках держал мотыгу,  
И не угасло пламя очага.

Конечно, с детства скудость мне знакома,  
Но стала мне опорой семья.  
Благословляю основанья дома,  
В котором начиналась жизнь моя!

Здесь места нет бахвальству, славословью,  
Но ранних дней мне внятн властный зов,  
И повесть начинаю я с любовью  
К тому, что ввысь стремится из низов...

\* \* \*

— Отец мой,  
Я с работою твоею  
Сравнить хочу свой мускулистый стих!  
Порой казалось, что моя труднее,  
И отдыхаю только в снах своих.

Забыть ли, как мотыжили мы поле!  
А я был мал — предание старо...  
Но избежал я этой тяжкой доли,  
Учиться стал и взялся за перо.

Прости, отец, тебя покинул я!  
Ты сам хотел, чтобы я вышел в люди.  
Угрюмо снизошёл к моей причуде,  
Смирился...  
И судьба сбылась моя.

Я помню: поучая, ты твердил:  
“Поверь, что знанья — нужная поклажа.  
Меня не подведи, о, мой Галаджа!<sup>1</sup>  
Трудись же, не растрчивая пыл!”

Ты и потом держал в руке мотыгу.  
Был труд не слишком прибыльным, о, нет!  
А ведь немного платят и за книгу,  
Не богатеет от стихов поэт.

Отец мой, о твоём присловье строгом  
Народ родной доселе не забыл!  
Твой нрав казался бычьим острым рогом.  
Врагов мирил ты, предкам верен был!

У очагов ночами небылицы  
Рассказывают старики у нас...  
Но дух твой, что с годами не угас,  
В живой стремился речи воплотиться.

---

<sup>1</sup> Детское ласкательное прозвище.

И были здесь великие предтечи,  
Шагу и Сейдык<sup>1</sup>, чудотворцы речи,  
Звучавшей, словно колокола глас.

\* \* \*

У нас в роду учителя, певцы,  
Священники — люд припадал к их рясам...  
Герои войн, поэты, кузнецы,  
Наездники, что спорили с Абасом<sup>2</sup>,  
Как птица, пролетев во все концы.

Каменотёсы, плотники, портные,  
И столяры, и мастера иные,  
Любой изготавливающие скарб —  
Изысканные украшения, сбрую,  
И крылья мельниц, и колёса арб.

А эти жёлоб для вина тесали,  
Те строили мосты... Кто скотовод,  
А кто охотник... Все ремёсла знали,  
И хлебосольством славился народ.

Бывали среди них и златоусты,  
Не празднословны и душой не пусты.

Все славили фамилию, село  
И возносили совесть, словно знамя,  
Что лучших осеняло и вело,  
Душой народа были временами.

Ты был им равен, вместе с ними жил  
И не последним, а средь первых был.

.....

\* \* \*

Сородичи мои в родном Кутоле  
Всё по своей всегда вершили воле,  
Преобладали на земле своей,  
Здесь пили за здоровье сыновей  
И говорили: “Будь сильнее братьев!  
Живи, семейной чести не утратив,  
Будь доблестен и не сойди с пути,  
Достойным, нужным для страны расти!”

.....

\* \* \*

Год страшный восемнадцатый!  
Жестоко  
“Испанка” покосила и Апсны.  
Всем чудилась неотвратимость рока,  
И погибал народ родной страны.

---

<sup>1</sup> Басариа Шагу, Цвинариа Сейдык (XX век) — ораторы, своеобразные мыслители из села Кутол.

<sup>2</sup> Абас Когониа (XX век) — известный абхазский наездник, отец выдающегося абхазского поэта Иуа Когониа (1904-1928).

К покойникам страшилась и родня  
Приблизиться, злосчастие кляня.

Ты первую жену, души опору,  
Отец, утратил в гибельную пору.

Ты сам свою покойницу обмыл  
И, овдовев, стал одинок, уныл...  
Рискуя жизнью, в это время всё же  
Ты обмывал покойников не раз,  
По милости, должно быть, выжив Божьей...  
Отец, тебя Господь, конечно, спас!

И в эти дни невыносимой печали  
Твою отвагу все в краю видали.

\* \* \*

И видел я, как на ружейный ствол  
Ты, не робея, неуклонно шёл,  
И целившийся ослабел душой,  
Поняв, что можешь отхлестать камчой<sup>1</sup>.

Лишь мужество спасало в лихолетье.  
Пусть враг с ружьём, но, гневом клокоча,  
Смельчак, на лиходея шёл ты с плетью,  
И выручала крепкая камча.

Как ужаснулся я, десятилетний!  
Но был ты всех отважней, беззаветней.  
Не дрогнул под ружейным дулом в тот  
Богатый потрясениями год,  
Когда ошеломила нас утрата —  
Весть прилетела, что убили брата...

Ну, тут весь род разгневанный встаёт!

Все горевали о безвинно павшем.  
А в эту пору за рекою Дгамшем  
Мегрелы-поселенцы завелись —  
Захват, грабёж, засилье, хоть крестись!  
И в силу кем-то отданных приказов  
Здесь огрузинить силились абхазов.

За старшими бегу и вижу я,  
Как на пригорке вся родня моя  
С чужими в бой вступила рукопашный.  
Кровь пролилась и обагрила пашню...

Не обошлось словесной перепалкой.  
Кто с топором, кто с тяткою, кто с палкой,  
Дерутся... Даже выстрелы звучат...  
Чужих колотят, топчут всех подряд.

Наказаны мегрелы-забияки,  
Не ждавшие, что так ответят им.  
Досталось и сородичам моим,  
Но ведь иного не бывает в драке.

---

<sup>1</sup> Камча (акамчы) — кнут, плеть.

Ну, кто тут правым был, кто виноватым!  
Собрался мстить Ласуриевский род,  
Рыдать готовый над убитым братом.  
И не отступит,

с поля не уйдёт...

Толпа с толпой сходилась вновь и снова...  
Не позабыть, хоть видел так давно  
Тот страшный сон побоища, столь злого,  
Что кажется поставленным в кино.

Отец мой!  
Братьев предводитель смелый,  
Твой крепок дух, рука твоя тверда.  
Побитые разогнаны мегрелы  
И разбрелись угрюмо кто куда...

Как позже оказалось, нет убитых,  
И жив наш брат с сестрою... Бог хранит их!

А дело в том, что местные мегрелы  
Задумали, развязно-оголтелы,  
Его сестру похитить — вот дела!  
Но девушка согласия не дала.  
Брат, кинувшись, остановил злодея,  
И драка началась, и всё лютее.

Напали тут на одного мегрелы,  
И в этой схватке брат, прямой и смелый,  
Родной семье отстаивая честь,  
Отбил сестру, —  
Не стоит к нашим лезть!

Но разнеслась молва:  
— Убили брата,  
Наш брат сражён, ужасная утрата!

И юный, и доживший до седин,  
Все родичи тут встали, как один.

Так буря разразилась,  
И мегрелы  
Кричат, что мы, абхазы, озверелы,  
Что мы житья соседям не даём.  
Конечно, настояли на своём,  
Ведь времена для нас дурными были...

Вас за решётку бросили, отец,  
И завели дела.  
Кляня, губили.  
Всё против вас!  
Казалось, вам конец.

Толпа послушных собралась в Кутоле,  
И правившие, на подъём легки,  
Охаивали нас, лишённых воли,  
Навешивали злобно ярлыки.

По-своему отчёты переделав,  
Бунтарским наш абхазский род зовут.  
По-братски, мол, не встретили мегрелов...  
Для нас готовят свой неправый суд.



Всё раздувалось дело, и мегрелы  
Всё бушевали и не знали меры.

...Вступившийся за честь сестры —  
  в Сибири,  
А тот, кто деву умыкнуть хотел,  
Как видят все, благополучен, цел...  
И где же справедливость в этом мире?

Тогда, отец, тебя согнуло горе.  
Отвлечшийся от будничных забот,  
Ты всё о ближних думал...  
Хуже хвори,  
Страшней чумы  
Сорок девятый год!

.....

\* \* \*

Ты не читал...  
                        Но азбукой твоей  
Являлась Апсуара<sup>1</sup> с детских дней.

В селе и на Мукаште<sup>2</sup> вновь и снова  
Решающим твоё бывало слово.

Дарами бескорыстного ума,  
Словами не наполнишь закрома...

И, как всегда, звала тебя мотыга.  
А власть была нещадная, как иго.

В железной клетке человек тужил  
И оставался беден и бескрыл.

.....

\* \* \*

Жестокий враг напал на землю нашу,  
Селенья захватил и города...  
Неужто и в Апсны придёт беда,  
И нам испить случится ту же чашу?  
Повсюду бомбы падали тогда...

Гроза всё ближе к высоте Кавказа,  
К вершинам снежным, устремленным ввысь.  
Не ждали горцы строгого указа  
И сразу за оружие взялись.

Хоть шёл тебе уже седьмой десяток,  
Ты был в решение твёрд и в речи краток:  
Сел на коня, помчался в центр села —  
Тебя в сраженье предков честь вела.

Твой старший сын сражался в Ленинграде.  
Ты слишком стар — отказано тебе.

---

\* Апсуара (абхазскость, абхазство) — неписанные правила абхазского этикета.

\*\* Мукашта — место народных сходов в восточной Абхазии.

Начальники бесчувственны к досаде  
И равнодушны к пылу и мольбе...

Оставшись, ты пожертвовал для фронта  
Осёдланного белого коня...  
Шли долго вести из-за горизонта,  
Но чёрного пришлось дожидаться дня.

Сын-лётчик... не вернулся он из боя...  
Потрясены жестокою судьбою,  
Тебе сказать об этом не смогли.  
И лишь другому сообщили сыну,  
Который был в горах, от нас вдали.

В отчаянье спустился он в долину.

Вошёл в свой двор. Убитый горем, слёг...  
Так вышло, что его убило горе —  
Двух братьев мы оплакивали вскоре!  
Осталась в сердце горечь...  
Видит Бог!

Я женского не позабуду воя  
И траура семейного печаль.  
Тогда из братьев нас осталось двое,  
Лишь я и младший...

Всё ещё живое!

И мне отца невыразимо жаль.

.....

\* \* \*

37-й... Абхазия в крови  
(Пишу об этом по твоим рассказам).  
От этих дел заходит ум за разум —  
Нет, не постигнешь, сколько ни живи!

Большой начальник прибыл, груб и лих,  
Высокомерный и громкоголосый,  
И в первый день арестовал троих —  
На них уже имеются доносы!

Отец, взят на заметку был и ты.  
Для палача ты — знатная добыча.  
В твои глаза всё время пальцы тыча,  
Он донимал словами клеветы:

— Колхозу вы сопротивлялись яро.  
Потом свою окраску вы внесли...  
Назвали вот бригаду “Аешара”<sup>1</sup>  
И лучшего придумать не смогли!

Колхоз — не ваша собственность! Колхоз  
Совсем не в честь Ласуриа возрос! —  
В глаза совавший пальцы, угрожал он.  
Был, кажется, готов пронзить кинжалом.

Ты встал, спокоен, мужеством хорош:

---

<sup>1</sup> Аешара — братство (абх.).

— Гость, не по чести ты себя ведёшь!  
Прочь руки убери, дай молвить слово!  
Вы сами нам твердили и не раз,  
Что все народы — братья. Нет дурного,  
Коль их сплочённость укрепляет нас!  
И мы, готовясь к новому укладу,  
Назвали “Братством” первую бригаду.

Быков и арбы “Братству” передав,  
Мы трудимся...

И разве я не прав!  
Клевещет недруг наш, и так обидно —  
Не видится того, что очевидно!

Отец, ты был в тот страшный миг отважен.  
Сломила твёрдость слова твоего  
Коварство обвиненья, ложь его,  
И обвинитель был обескуражен.

Сорвал ты маски,  
Истину явил.  
Судьбой в тот день помилован ты был,  
А на душе по-прежнему тревога,  
Так было время тягостно и строго!

.....

\* \* \*

Всегда народ, негодованьем полный,  
Ты ободрял и за собою вёл,  
Был кораблём, одолевавшим волны,  
И отступал коварный произвол.

Быть честным ты учил меня, подростка.  
Подчас твоё звучало слово жёстко,  
Был строг, нелицемерен твой глагол...

Отец! Как часто думал я об этом!  
Не сдаться, не согнуться тяжело...  
Но верность я хранил твоим заветам —  
Вот что меня хранило и спасло!

Меня и в детстве не сломил никто бы!  
Дух непокорства проникал и в стих...  
А сколько лжи и зависти, и злобы  
Пришлось мне встретить на путях своих!

Как мне мешали с самого начала!  
Свою я правду гнул  
И лгать не мог,  
И правда жгла, и правда защищала,  
И миловал, и помогал мне Бог!

Необходимо быть бойцом мужчине,  
Иль мелочь он,  
И грош ему цена...  
Раненьями, отец, горжусь доньне!  
Трудна твоя дорога, но верна.

.....

\* \* \*

Ты был крещён, отец мой!  
В беге дней  
Крестился, проходя вблизи церквей.

Однажды нас, детей, привёз к Илору<sup>1</sup>,  
К святыне приобщил ещё в ту пору.

“Благослови, Господь!” —  
Ты говорил  
И за едой, и за работой в поле,  
В грозу, в дороге, близ родных могил —  
Не только на всеобщем богомолье.  
Проснувшись на заре и перед сном,  
На сходе и вступая в чей-то дом...

Молился!  
Без молитвенного слова  
Не обходилась речь твоя.  
Был смел,  
Чтил благочестье славного былого,  
Чьего-то богохульства не терпел.

\* \* \*

В году двадцать втором, столь незабвенном,  
Прихлынула орда к церковным стенам,  
И выносили золото мешками,  
А ты пытался голыми руками  
Вооружённый удержать грабёж!  
Но, нет, воров с дороги не собьёшь.

“Да проклянёт вас, нехристи,  
Всевышний!..” —  
Ты восклицал  
В тот чёрный день давнишний.

\* \* \*

Христианин, ты всё же чтил обычай,  
Ходил с молением в кузницу, как в храм...  
А сердце, печень, оковалок бычий  
Священной жертвой были небесам.

Молился, к небу воздевая руки.  
Потом с присловьем кубок поднимал,  
И реяли молитвы общей звуки...  
Всё помню я с тех пор, когда был мал.

“Аминь!” — прозрев неведомые дали,  
Мы, дети, за тобою повторяли.

Я помню эти кубки и кувшины,  
Молельни воздух, этот воздух винный...  
Тогда нам яства все наперерыв  
Дарили, никого не обделив.

---

<sup>1</sup> Илор — особо почитаемый храм в восточной Абхазии.

Молва о Джаджу, Шаши возглашала,  
Мзанныхву и Мраныхву, Ажвейпшаа<sup>1</sup>.

.....

\* \* \*

Ты в буре жизни, в смерче урагана  
Был, как отец твой, слаб и одинок.  
Ты близких растерял, лишился рано  
Всех, кто тебе служить опорой мог.

Ты был на грани гибели не раз,  
Но выстоял, но выжил, не угас.

Тебя спасали сила красноречья,  
Суровый нрав и — в самой гуще бед —  
К живущим состраданье человечесье,  
Твоей отваги лучезарный свет.

.....

\* \* \*

Была твоей святыней речь родная.  
Ты прожил, языков других не зная,  
Но как ты знал Отечества язык!

В нём прошлое сливалось с настоящим,  
Он Божьим даром был, в душе горящим,  
Он был всегда в устах твоих велик.

И прошлое — опора и основа,  
И нынешнее — как венцы стропил.  
Ты силой своего живого слова  
Сумел соединить их и скрепил.

Ты жил, обычай дедовский любя!  
Враждебна суете земной и праху,  
Сияющей вершиною Ерцаху<sup>2</sup>  
Являлась Апсуара для тебя.

.....

\* \* \*

Отец, я помню: ты ложился рано.  
На ветках птицы распевали рьяно,  
А ты, дневной заботой угнетён,  
Спешил скорее погрузиться в сон.

В глубокий сон валился ты устало,  
Меж тем как муза надо мной витала.

То Байрон, Пушкин, то слова Баграта...  
Горением душа была объята,  
И чудилось, что на закате дня  
Благословляют гении меня.

---

<sup>1</sup> Боги абхазского языческого пантеона.

<sup>2</sup> Ерцаху — одна из высочайших горных вершин Абхазии, воспетая в поэзии.

И чуял ты, что к сельскому труду  
Я не вернусь, что навсегда уйду.  
.....

\* \* \*

Не в пятьдесят ли третьем — жгучий зной,  
Когда я шёл на пахоту с волами?  
Весь жар июля набегал волной,  
И голову мою сверлило пламя.

А мы с тобою заняты пропашкой,  
И нет конца работе нашей тяжкой...  
Нагрелось солнце, словно диск стальной.

А слухи шли, что предстоит затмение,  
Текла молва, судили вкривь и вкось,  
И перемены ждал я в нетерпенье  
И думал: “Вот оно и началось!”

Застигнутые посредине поля,  
Мы видим, что густеющая тень  
Подходит к солнцу, и — за долей доля —  
Оно темнеет...

Ночь сменила день!

Как сузилось могучее светило,  
Энергию и силу потеряв!  
Истаяло, ушло, лишилось прав...  
И всю планету грозно тень покрыла.

И я прошу отца:  
“Остановись!  
Дай поглядеть!”  
А он в ответ: “Очнись, сынок!  
Ну, что ты!  
Ступай себе, поглядывая ввысь,  
Но всё-таки не прерывай работы!”

Но тут просвет, и оживился мрак!  
Я постепенно убавляю шаг...

— Тяни быков, работай ради Бога!  
Держись, сынок, осталось так немного!

— Дай наглядеться! — говорю в ответ.  
Такое видеть редко доведётся...

Отец не слышит, всё ему неймётся.  
Сейчас ему до солнца дела нет.  
А ведь дела у солнца нынче плохи,  
И в небе от него остались крохи.  
От солнца, озарявшего весь мир, —  
Лишь дынный ломтик... Жалок он и сир.

И вся природа вздрогнула во мраке.  
Повсюду и мычание, и рёв,  
Разброд овец, смятение коров,  
И насмерть перепуганы собаки.

Тут молвил ты: “Спаси и сохрани!”  
... Но отдых невозможен в эти дни.

Держу в руках верёвку, глядя ввысь,  
И снова ярко небеса зажглись.  
В них солнца светозарный лик явился...

День этот не померк и не забылся!..  
.....

\* \* \*

О, старцы, уходите вы не спешите,  
Сасрыквы<sup>1</sup> дух, прошу вас, воскресите,  
Настройте апхиарцу и ачарпын<sup>2</sup>,  
На свадьбе, долгожители, спляшите  
Заветный пляс предгорий и долин!

...Ответьте, отчего когда-то в Лыхны  
Злой выстрел прогремел и почему  
Весь край отцовский, негодую, вспыхнул,  
В огне преобразился и в дыму!<sup>3</sup>

В тебе, Кастей<sup>4</sup>, клокочет дух Гомера,  
Седая мудрость так тебе к лицу!  
Без этих песен мирозданье серо...  
Как не воспеть твою апхиарцу!

Ты, Маадан<sup>5</sup>, начни свой стих глубинный,  
Знай: ждут тебя на берегах Кубины!<sup>6</sup>  
Тебя связали с нартами флюиды,  
И ведал ты их распри и обиды.

Старинными тревогами объят,  
Я и тебя заслушаюсь, Синат!<sup>7</sup>  
Из уст твоих раздавшись, будет живо  
Сказанье о печалях махаджира.

Уходят наши старцы год за годом,  
И целый мир сгорает с их уходом!..

Уж старика не встретить в Ачандаре  
С георгьевской медалью на груди,  
И Тыкуа<sup>8</sup> не увижу я в Атаре —  
Сказителей эпоха позади!..

Вот и отца я голос не услышу,  
И в памяти звучит он тише, тише,  
И всё ж не иссякает до сих пор,  
Покуда вечный мрак её не стёр.

---

<sup>1</sup> Сасрыква — главный герой абхазского эпоса “Нарты”.

<sup>2</sup> Национальные музыкальные инструменты.

<sup>3</sup> Речь идёт о Лыхненском восстании 1866 года.

<sup>4</sup> Кастей Арстаа — великий сказитель, исполнитель героических песен.

<sup>5</sup> Маадан Саканиа — известный сказитель.

<sup>6</sup> Кубина — Кубань (абх.).

<sup>7</sup> Синат Джения — прославленный сказитель и певец.

<sup>8</sup> Тыкуа Куцниа — известный сказитель и оратор.

Абхазы-старцы — летопись живая,  
Сокровищница Совести они...  
Коль ты — поэт, воспой их, прославляя,  
Ушедших добрым словом помяни!..

Живите долго и гостей встречайте,  
Храните дух и ритуал Апсны,  
И в стремена, как в юности, вступайте,  
В черкески, как всегда, облачены!

Вы уходите, прошу вас, не спешите  
И радуйте премудрым словом нас,  
Касаясь струн серебряных, гремите,  
Перед презренной смертью киньтесь в пляс!..

.....

\* \* \*

Я опасаясь в дебри углубиться.  
Поведанное — только эпизод,  
И всё же тема, что в душе живёт,  
Достойной мнится кисти живописца.

То, что в поэму вылилось неожиданно, —  
Всего лишь буква, слово, краткий стих...  
Заслуживает драмы и романа  
Глубокое преданье дней твоих!..

А то, что мной с волнением говорится, —  
Лишь манускрипта ветхого частица.  
И всё же запись верная моя  
Выводит на тропинку бытия.

Сравню рассказ с расколотым кувшином.  
Коль ты скрепишь и склеишь черепки,  
Он снова вдруг окажется единым,  
И станут годы дальние близки...

Не об одном тебе моя поэма!  
Она о сути отплывших дней,  
Чтоб это время не осталось немо...  
Ты — всё же стержень повести моей!

Я слово произнёс не наобум —  
Из глубины душевной исходило,  
Пропущено оно через горнило  
Суровых испытаний, долгих дум.

.....

\* \* \*

Из небылиц неверных и капризных  
За призраком вдруг выплывает призраком...  
Что из столетий я смогу извлечь,  
В умолкнувшую  
Вслушиваясь речь!

Воздвиглись храмы... Но их стены немые,  
И где о древних мастерах поэмы?



Былого созиданья стёрся след,  
И отголосков тех событий нет.

На рубежах Абхазии в печали  
Великие умельцы исчезали.  
Забутые (и вспомнятся едва ли!)  
В какой судостроители дали?  
А ведь спускали в море корабли!

Сказанья есть...  
И всё же тьма густа...  
Где авторы?  
Осталась немота.

Великие бывали златоусты.  
Где имена?  
Тут родословья пусты...

А время беспощадное течёт!  
Апостол скрыт во тьме и звездочёт,  
И спрятаны от внуков мглой сырою  
Народные поэты и герои.

И много их, неведомых бойцов,  
Уже забытых, но в конце концов  
Их жертвенности вечен свет горячий...  
Как выстояла бы страна иначе!

Тут речь не о свершениях царей,  
Не о владыках, канувших в тумане...  
Я о народе говорю скорей —  
Страдании его  
И ликованье...

.....

*Сухум—Москва  
2020*

*Перевод Михаила Синельникова*